

Страны Востока, США и современная глобализация

Сегодня наиболее развитые страны Востока, участвующие в процессе глобализации, все активнее формулируют собственную повестку дня, выстраивают модель жизнеустройства, которая отвечала бы их национальным интересам. Такие страны, как Китай, Индия или Турция, все меньше оглядываются на западные рецепты национального строительства и международной политики и формируют новую реальность исходя из своих традиций, интересов и принципов. Этим они опровергают ключевые положения, сформулированные западными «отцами» современной модели глобализации, о том, что глобализация – это процесс формирования в странах Востока открытой экономической модели, либерального политического режима, открытой культурной позиции или, говоря словами Д. Хэлда и Э. Макгрю, «реконфигурации политической власти, формирования глобальной экономики и эрозии национальной культуры с возникновением глобальных культурных и информационных потоков» [см. 6].

В странах Востока к модели глобальной интеграции существует двойственное отношение: с одной стороны, взаимозависимость наиболее развитых стран Востока и Запада, огромные возможности, которые возникают у участников глобальных рынков из числа стран Востока в ускорении экономического роста и повышения уровня жизни в национальных сообществах. С другой – существующая модель глобализации отражает господство интересов США и других стран Запада, которые распространили по всему миру стальные нити потоков финансового капитала, опутали его интересами разнообразных транснациональных корпораций и глобальных финансовых структур. В их интересах и существует современная глобальная система, которая, по словам нобелевского лауреата Дж. Стиглица, часто обозначается «как механизм глобального управления без глобального правительства» [2, с. 41], причем само это глобальное управление до сих пор находится вне контроля стран Востока. Ответом на очевидную и сегодня подчиненность восточных обществ западному диктату и правилам является усиление антизападных тенденций в экономической и общественно-политической жизни в ряде стран Востока, подъем традиционализма, патриотизма и регионализма.

Ситуация развивается не совсем так, как предсказывали западные аналитики, полагавшие, что «глобализация предполагает конец национального в качестве сферы обоснованной стратегии для экономических субъектов и что ничто существенное в финансовом и экономическом плане не может стать более предметом размышлений на национальном уровне – ни крупные сектора экономики, ни банковская сфера ни даже валюта» [5, р. 12].

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института востоковедения РАН, руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании. E-mail: mosyakov.d@gmail.com

Даже в такой ключевой сфере, как «реконфигурация политической власти», которая должна была основываться на распространении норм либеральной демократии в странах Востока, никакого заметного движения не отмечается. А между тем большинство аналитиков на Западе не раз утверждали, что «этому нет альтернативы» [см., напр., 1, с. 95], что формирование по всему миру однородных либерально-демократических политических систем есть один из фундаментов глобального развития. В странах же Востока не либеральные, а авторитарные по своему устройству режимы, с коммунистическими партиями во главе (как, например, в Китае или во Вьетнаме), показывают сегодня наибольшие темпы экономического роста. Их влияние в мире, особенно это касается КНР, растет настолько, что не исключено и такое: Пекин через некоторое время вполне сможет предложить мировому сообществу свой, а не американский глобализационный проект.

Высокие темпы экономического роста демонстрируют и страны Юго-Восточной Азии, где авторитарные режимы в той или иной форме господствуют и в Сингапуре, и в Малайзии, и в Таиланде, и в Лаосе, и в Бирме. Причем Сингапур, Малайзия и Таиланд и даже Вьетнам (с единственной руководящей силой – компартией) интегрируются в проект глобализации, практически не меняя политических и идеологических основ своего устройства. Если к этим странам добавить еще и Турцию, где установился авторитарный режим Т. Эрдогана, то вывод о том, что для участия в глобализационном проекте странам Востока необходимо формировать либеральную политическую систему, оказывается ошибочным. Страны Востока показывают, что в действительности форма и характер правящего режима для интеграции в глобальные рынки особого значения не имеют. Значимо другое: насколько эффективна политика правящего режима и насколько благоприятные условия для притока и вывоза капитала этот режим способен создать.

Еще одним примером особенности участия стран Востока в глобализации может служить ситуация с заимствованием и аккультурацией западных культурных стереотипов в восточных социумах. Опыт этих стран подтверждает слова А. Ападурай о том, что «центральная проблема сегодняшнего глобального взаимодействия состоит в напряжении между культурной гомогенизацией и культурной гетерогенизацией» [4, р. 251]. Причем если задаться вопросом, что несет с собой культурная глобализация – усиление однородности или разнородности человечества, то ответ на него будет совсем неоднозначен. Как справедливо замечает Р. Робертсон, «усвоение определенных норм и представлений о единстве современного мира соседствует, а то и сопровождается усилением ориентации на свою национальную культуру со всеми вытекающими в плане ренационализации политики, распространении религиозного фундаментализма последствиями» [7]. Эволюция культурных доминант в странах Востока во многом подтверждает этот тезис. Так, например, Турция, которая, несомненно, является одним из интегрированных членов глобальной семьи, сегодня все решительнее движется не по пути укрепления основ светского государства, а скорее возрождает исламизм как государственную идеологию, жестко выступает с критикой культурных стереотипов, приходящих с Запада. В этой стране авторитарный политический режим, ориентированный на сближение с Европой, превратился в авторитарный режим, ориентированный на пантюркизм и культурную интеграцию в исламский мир. При этом архаизация системы образования и даже способа мышления, которые все больше возвращаются в религиозные рамки ислама, не мешает Турции показывать и высокие темпы экономического роста и без серьезных проблем интегрироваться в глобальные рынки.

Усиление тенденций традиционализма и регионализма отчетливо просматриваются в Индии, в странах Юго-Восточной Азии, вполне интегриро-

ванных в глобальные рынки. Их правящие элиты всячески поддерживают и распространяют традиционные культурно-духовные координаты, постоянно указывают, что современные западные культурные образцы не являются для них примером для подражания. И в большинстве стран Востока западный стиль жизни распространяется и доминирует в довольно узких, преимущественно городских, социальных стратах, так или иначе в глобальной интеграции задействованных. Они могут быть влиятельны и активны, но численно многократно уступают сегодня не менее активным в восточных социумах традиционалистским силам. Во многих странах даже возникает определенная оппозиция настроениям наиболее успешной части городских слоев мегаполисов, живущих существенно лучше, чем подавляющее большинство сельского и городского населения. Углубление социальной дифференциации и, соответственно, многообразных противоречий может угрожать стабильности глобализационного вектора развития этих стран.

Из всего этого следует, что принятие восточными социумами западного образа, стиля и атрибутов жизни не является значимой предпосылкой для участия в процессе глобализации. В этот проект успешно интегрируются восточные сообщества, ориентированные в целом на сохранение традиционных ценностей. Достаточно только того, чтобы в них существовала сравнительно небольшая по численности, принявшая западные ценности социальная страта, которая и выступает главным посредником с глобальным рынком.

Как мы видим, в настоящее время в странах Востока глобализация не является таким всеохватывающим и сложным процессом, каким была в свое время модернизация. В рамках длительного и противоречивого процесса модернизации происходили глубокие перемены во всех сферах жизни общества – в способе мышления, образовании, стандартах жизни, политических и культурных идеях, в системе политической и экономической власти. Причем процесс перемен затрагивал и широкие слои населения, и правящие, и интеллектуальные, и бизнес-элиты. В глобализации такого размаха перемен и близко нет. Перемены в странах Востока носят социально узкий и, можно сказать, прикладной характер. Во многих из них сегодня можно видеть такую картину: стоят суперсовременные предприятия, связанные с глобальным рынком, и в то же время рядом крестьянин мотыгой обрабатывает веками принадлежавший ему земельный участок. Подобная ситуация ведет к несбалансированности национального развития, подрывает заинтересованность в продолжении глобализации. Правящие элиты большинства стран Востока уже не скрывают и своего недовольства существующей моделью глобализации, и готовность участвовать в ней только до тех пор, пока это будет выгодно их стране. Любой кризис или снижение позитива от глобальной взаимозависимости могут разрушить ориентированный на интересы США экономический механизм. Альтернативой ему многие рассматривают стремительно растущий и в Юго-Восточной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке да и в Восточной Азии регионализм.

Еще некоторое время назад регионализм рассматривался западными авторами как позитивная тенденция, которая в определенном роде готовит страны того или иного региона к более широкой интеграции в рамках глобализации. Теперь отношение к этому явлению несколько изменилось, так как выяснилось, что региональное сотрудничество не столько помогает глобализации, сколько создает в том или ином регионе вполне жизнеспособные замкнутые на регион системы, которые скорее тормозят интеграцию своих членов в глобальные рынки. Дело заключается еще и в том, что большинство западных ТНК доминирует в международном пространстве, а на региональном и тем более национальном уровне их интересы отнюдь не решающие – в наиболее успешных странах Востока преобладает экономика национальная, чаще всего основанная не на господ-

стве частных акционерных обществ, а на смешанном государственно-частном партнерстве. В Сингапуре, Турции, Южной Корее, Китае и Вьетнаме, да и в Японии роль государства в экономике несравнимо более значима, чем в США.

В этой связи можно утверждать, что на Востоке до сих пор существует интересный феномен, когда отдельные элементы, казалось бы, давно канувшей в прошлое социалистической модели модернизации остаются актуальными и поныне. Даже если не брать примеры Китая и Вьетнама, где государство жестко контролирует экономику, планирует ее развитие, владеет значительной частью производственных мощностей и финансовых ресурсов, а взять примеры либерально-капиталистические – Сингапур и Южную Корею, то и там влияние идеологии социализма проявляется вполне явно. Ли Куан Ю, создавший современный Сингапур, начинал свою карьеру как левый политик, как адвокат рабочих профсоюзов и был долгое время близок с коммунистами и социалистами. А Пак Чжон Хи – «отец корейского экономического чуда» – в молодости вообще являлся членом компартии. Знакомство с социализмом позволило им нащупать успешную модель развития, когда национальная экономика развивается не столько как частная, сколько как смешанная, с огромной долей государственно-частного партнерства, где решающее слово всегда за государством. Именно такая экономика и в Китае, и в Южной Корее, и в Индии, и в Турции, и в Сингапуре – основа формирования национального ВВП и главный источник национального экспорта. Несмотря на регулярно повторяющиеся попытки прозападных либеральных политиков под предлогом неэффективности разрушить госсектор или сделать его незначительным, госпредприятия продолжают и сегодня выступать в качестве ядра национального развития. Для правящих элит во многих странах Востока представление о сильном государстве стойко связано с сильным госсектором, который создает ощущение их потенциальной независимости.

Особняком среди наиболее развитых и влиятельных стран Востока стоит Иран. Эта страна не интегрировалась в глобальные рынки. И даже наложенные на нее западные санкции и ограничения не помешали ей стать одним из политических гегемонов Ближнего и Среднего Востока. Опыт Ирана свидетельствует, что в современном мире, чтобы быть сильным, необязательно участвовать в глобализационном проекте, что глобализация и национальная мощь суть разные понятия и можно быть сильным в мире и без интеграции в глобальную экономику.

В связи со всем вышесказанным следует отметить, что перспективы современной модели глобализации сегодня уже не представляются настолько бесспорными, как раньше. По крайней мере на Востоке правящие элиты во многих странах все чаще задают вопрос – где начинается национальный суверенитет и где находятся главные центры существующей политико-экономической системы (впрочем, как и штаб-квартиры ТНК, и насколько их интересы совпадают с интересами национальных государств). Такую тенденцию отмечал еще С. Хантингтон, указавший в своем исследовании, что «живущим за пределами Запада очевиден... тот разрыв, который существует между провозглашаемыми принципами Запада и его действиями. Лицемерие, двойная мораль, игра в “да” и “нет” – вот цена его претензий на универсализм» [3, с. 537].

Анализ политик правящих элит в странах Востока дает основания для вывода: они ищут альтернативу глобализации и ограничивают свое участие в ней чисто экономической выгодой. Всё остальное, что связано с современной моделью этого процесса, особенно в плане адаптации новых культурных доминант, всё больше рассматривается как непосредственная угроза суверенитету и решительно отвергается. Такие настроения господствуют сегодня везде – от Турции и до стран Юго-Восточной Азии.

Возможно, именно в связи с таким сопротивлением в последнее время наблюдается определенное замедление процесса глобализации. Выясняется, что навязываемая со стороны США и других стран Запада модель этого процесса неспособна не только охватить большую часть населения планеты, но и сформировать прочный, устроенный на международном праве мир. И хотя существует точка зрения, что глобализация – это не одномерный процесс, как по времени, так и по своему внутреннему содержанию, что по времени она дискретна – периоды ускорения глобальной интеграции перемежаются с периодами долгого застоя, – факт остается фактом: в последние годы мы наблюдаем нарастание проблем в продвижении этого процесса. Причин называется множество: от влияния глобального экономического кризиса 2008 года до новых политических рисков, связанных с усилением в странах Востока национализма, традиционализма и регионализма. Но главная причина все-таки в другом: в Вашингтоне не удовлетворены тем, что происходит на Востоке, где растут вызовы американскому доминированию. У сформулированной на Западе модели глобализации оказался существенный дефект – отсутствие реальных механизмов политического давления и контроля за внутренними процессами в странах Востока. То, что было в эпоху модернизации, отсутствует в эпоху глобализации. В результате вместо блока либеральных прозападных режимов, тянущихся к США, там укрепились политические режимы авторитарного и полувластного толка, ориентированные больше на защиту национальных интересов, чем на участие в глобальном проекте, отвечающем интересам США. Поэтому в Вашингтоне уже не так активно ратуют за глобализацию и, наоборот, скорее стремятся спровоцировать в ключевых регионах Востока новые конфликты, чтобы подорвать процессы глобализации и регионализации.

Трудно назвать момент перехода к такой стратегии. Вполне вероятно, это рубеж 2005–2006 годов, когда после американского вторжения в Ирак выяснилось, что вместо замирения в стране при участии американцев происходят разрушительные процессы, а оккупационная власть мало что способна сделать, чтобы остановить рост экстремистских и террористических организаций в этой стране. Более полное выражение новая стратегия получила в 2011 году с началом так называемой арабской весны. Все тогда задавались вопросом: зачем американцы стремятся ликвидировать относительно стабильные режимы в Тунисе, Ливии, Египте, Сирии, зачем открывают дорогу религиозным фанатикам и ненавистникам США. Ответ можно дать сегодня, когда эта новая стратегия всё более явно проявляется не только на Ближнем Востоке, но и всюду, куда простираются интересы США. Появление и распространение так называемого «Исламского государства», поставившего в состояние неопределенности и хаоса весь Ближний Восток, события на Украине, в Афганистане, попытки дестабилизировать власть военных в Таиланде, правительства Наджиба Разака в Малайзии, противодействие любым попыткам межкорейского урегулирования и разжигание конфликтов по всему миру – это, по всей видимости, и есть новая американская стратегия, которую можно определить как стратегию формирования глобальной нестабильности. Смысл ее в том, чтобы путем актуализации даже латентных конфликтов раскалывать и устойчивые национальные и региональные объединения, которые претендуют на независимость и, так или иначе, создают помехи политике США. В Вашингтоне рассчитывают, что, с одной стороны, разжигаемые и подталкиваемые к взрыву новые конфликты ослабят потенциальных конкурентов, а с другой – позволят США манипулировать их участниками.

В Юго-Восточной Азии, например, они выстраивают целую антикитайскую цепь, пытаясь привлечь на свою сторону Вьетнам, параллельно готовя там «оранжевую революцию», убрать неуступчивых тайских военных и заменить их куда более близкими себе политиками. В Камбодже всё готовится к тому, что-

бы проамериканские силы одержали победу на будущих выборах и отправили в отставку премьера Хун Сена, превратившего эту страну в главного друга Китая в АСЕАН. В Бирме, где президент Б. Обама побывал уже дважды, американцы подталкивают местных генералов к новым военным конфликтам с Китаем, как это уже было недавно в районе Коканга, а также продвигают «своего человека» – правозащитницу и Нобелевского лауреата Аун Сан Су Чжи на ключевые посты в государстве. Если добавить к этому списку еще и воинственно антикитайских политиков на Филиппинах, куда уже вернулись американские войска, то выстраивается целая цепь стран, которые в скором времени будут призваны развязать конфликт с Китаем, подорвать его имидж, поглотить его энергию в конфликтном потенциале. В результате целый регион вместо успешного и стабильного развития окажется на военном положении и в существенной зависимости от США.

Подводя итоги, подчеркнем: западная концепция глобализации и реальные процессы в странах Востока по ключевым позициям расходятся друг с другом, а способом противодействия этому расхождению американцы выбрали старую как мир римскую политику «разделяй и властвуй». Но если проследить векторы современного развития стран Востока, их расхождение с США имеет явную тенденцию к увеличению. На Востоке власть по большей части носит авторитарный характер, старается в целом избежать чрезмерного социального неравенства, сохранить трудовую основу распределения национального дохода и ориентировать институты регулирования экономики на долгосрочные инвестиции в развитие производительных сил. В разных странах это происходит по-разному, но они все же образуют некую самобытную и независимую целостность, что позволяет им не только определять свою судьбу, но и векторы развития глобального мира.

Литература

1. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007.
2. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции М., 2003.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология. М., 1999.
4. Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Robertson R., White K. (ed). Globalization. Critical Concept in Sociology. Vol. 1. L., 2003.
5. Chagnolland J-P. Relations internationales contemporaines. Un monde en pertes dereperes. Paris; Montreal, 1999.
6. Held D. and McGrew A. (eds) Governing Globalization. Power, Authority and Global Governance. Cambridge, 2002.
7. Robertson R. Globalization or Glocalization? // Robertson R., White K. (ed). Globalization. Critical Concept in Sociology. Vol. 3. L., 2003. P. 31–51.

Аннотация. Статья посвящена анализу ключевых аспектов процесса глобализации на Востоке. Рассматриваются вопросы политической либерализации, особенности формирующегося в странах Востока экономического механизма, тенденции в духовно-культурной сфере. Делается вывод о том, что глобализация на Востоке развивается существенно в ином ключе, чем это предполагали политологи и желали политики в США и других странах Запада.

Ключевые слова: глобализация, смешанная экономика либеральный политический режим, социализм, аккультурация, национальная культура, регионализм, авторитаризм.

Dmitry Mosyakov, Ph.D. in History, Professor; Deputy Director, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science; President, South-East Asia, Australia and Oceania Research Center. E-mail: mosyakov.d@gmail.com

The Countries of the East, the US and Contemporary Globalization

Abstract. This article analyzes the key aspects of globalization in the East. It deals with political liberalization in Eastern countries, peculiarities of the emerging economic mechanism, and spiritual and cultural trends. The author concludes that globalization in the East develops in a largely different way than political scientists anticipated and US and other Western politicians aspired.

Keywords: Globalization, Mixed Economy, Liberal Political Regime, Socialism, Acculturation, National Culture, Regionalism, Authoritarianism.

Л.В. Поляков. Спасибо, Дмитрий Валентинович, за такую содержательную и провокационную постановку вопроса, за отождествление модернизации и глобализации. Я думаю, что у

нас еще будет повод это дополнительно обсудить. Я прошу присоединиться Станислава Витальевича Хатунцева. У него будет рассуждение о сотрудничестве незападных держав Евразии.